

ВЕРА ЛАВРИНА (ПРАВДА)
Доцент кафедры отечественной истории,
теории и истории культуры

Рассказы

ТЕСТ НА ДОБРОТУ

Многие считают себя добрыми. Так и говорят: я людям всегда только добро делал. И я тоже себя считала доброй.

А что в этом сложного? Спросите на работе, как самочувствие у коллеги, который выглядит неважно. Посочувствуйте. Слушайте, не перебивая, всякую болтовню. Тут же предлагайте советы и мелкую помощь по поводу любой затруднительной жизненной ситуации. Замечайте приятные перемены, делайте комплименты, не обижайте грубыми словами. Ну, в долг давайте. А если знаете, что не вернут, – небольшую сумму.

Как-то спросила себя: а что ты можешь, кроме этого? Уродца или инвалида взяла бы на воспитание из детского дома? Спросила себя и поняла, что никаких моих прекраснодушных убеждений на это не хватит. Тут ведь по-настоящему надо доброй быть – поделиться имуществом, временем, жизнью своей – и никакой награды тебе за это не будет, даже наоборот. А если твоя доброта таких вещей не касается, то все это только правила хорошего тона.

И что меня поражает: люди по-настоящему, до жертвенности добрые есть, я их знаю. Это Светлана Борисовна. С ней я работала в нашем университете на кафедре философии.

Ее отец был актером и бесшабашным сердцеедом, имел нескольких жен, в каждом браке заводил детей. И всем платил алименты. Одна из его дочерей стала известной российской актрисой. А другая, Светлана Борисовна, получила удивительный дар доброты. У нее рано умерла мать, отец гастролировал с театром по стране, и она жила с бабушкой и его второй женой. Настоящая мать называется мачехой, а слова для настоящей бабушки в русском языке нет. Может, «мачебушка»? «Мачебушка» воспитывала Светочку до пятнадцати лет и потом уже после института, Светлана Борисовна, получив комнату, взяла ее к себе, так как настоящие родственники «мачебушки» не захотели с ней жить. С грозной и своенравной бабкой могла ужиться только

Светлана Борисовна. Она испытывала к ней привязанность и благодарность.

Я увидела «мачебушку» уже глубокой старухой. Высокая, тощая, она ходила по дому с клюкой, не утратив властного вида, следила, чтобы все текло по раз заведенному образцу. Как-то Светлана Борисовна с мужем переставили на кухне мебель. На следующий же день в отсутствии хозяев старуха поставила все на прежнее место.

И все-таки в кротости Светланы Борисовны было что-то обезоруживающее. Суровая старуха не давала полную волю своему норову. Потом она обездвижела, долго и тяжело болела. Светлана Борисовна ухаживала за ней, как за матерью, и та умерла у нее на руках, дожив до 86 лет.

А когда бабушка была жива, в доме Светланы Борисовны на некоторое время появилась еще Гульнара. Светлана Борисовна была в санатории в Карачаевске. Тамошняя минеральная вода и климат совсем и не подошли для нее. Она попала в больницу и познакомилась с местной медсестрой Гульнарой. Та расспрашивала про сибирские учебные заведения, жаловалась на взяточничество в местных. Ну, конечно, Светлана Борисовна пригласила ее поступать в наш мединститут.

Гульнара приехала – и напрямик к Светлане Борисовне. Поступать она не стала, а устроилась на работу медсестрой. Пользуясь фантастическим гостеприимством Светланы Борисовны, стала у нее жить-поживать, Сибирь обживать. Через некоторое время выяснилось, что Гульнара беременна. Это и было причиной ее бегства с малой Родины. Отцом будущего ребенка оказался троюродный брат. Только за одно это в Карачаево-Черкессии, как сказала Светлана Борисовна, могут просто растерзать. К тому же – добрачная связь.

Гульнара в положенный срок родила девочку. Светлана Борисовна с мужем переселились в большую проходную комнату, а свою спальню уступили молодой матери. Туда поставили детскую кроватку. Купили малышке пеленок. Комнаты стали напоминать прачечные – все были увешаны сохнувшими на веревках пеленками. Гульнара не работала, Светлана Борисовна почти год кормила и поила ее с ребенком, покупала приданое для малыша.

– Как же так, Светлана Борисовна? – в недоумении спрашивала я. – Это просто какой-то паразитизм.

Такая доброта была мне не под силу и не по разумению.

– А что, выгнать ее с ребенком на улицу? – виновато отвечала она.

Сказать на это было нечего.

Потом Светлана Борисовна пошла в гороно и попросила сделать вызов для отца ребенка, так как он закончил пединститут. С Карачаевска приехал Ромка, отец ребенка, угрюмый, молчаливый кавказец и тоже поселился у Светланы Борисовны. Светлана Борисовна долго занималась документами, чтобы молодые могли здесь пожениться. Они поженились, муж устроился на работу, им дали крошечную комнатку в общежитии, все, казалось бы, устроилось. А потом к мужу приехала его сестра и сказала:

– У тебя есть невеста, ей 16 лет, за нее уже калым заплатили. Я тебе новый паспорт куплю, без печати и регистрации. Возвращайся домой и женись.

Ромка был младшим сыном в семье и должен был по законам гор жить с родителями. Он и уехал. А Гульнара помыкалась здесь с ребеночком и тоже уехала домой. Только мать у нее уже умерла от инфаркта – так переживала за дочь.

«Сколько раз убеждалась, что доброта не дает плодов, – сокрушалась Светлана Борисовна, вспоминая Гульнару, – хотелось помочь ей в жизни, она этого своего Ромку так любила – и вот: не сложилось».

В другой раз Светлана Борисовна была на ИПК в Свердловске. Однажды увидела, что на лестнице горько плачет девушка. Разве Светлана Борисовна могла пройти мимо. Оказалось, у девушки украли портфель со стипендией. Светлана Борисовна дала ей денег.

«Потом она стала меня избегать», – с грустью сказала Светлана Борисовна.

Жил в Кемерово один киновед, преподаватель КемГУ Бобковский, он стихи писал, очень своеобразные. Одно из них прямо-таки впечаталось в память. «Сделал добро – и уйди от расплаты», – процитировала я Светлане Борисовне. Она согласно покачала головой.

Неприятно людям чувствовать себя обязанными кому-то.

И еще одну историю хочу рассказать. Светлана Борисовна всегда скромно одевалась. Но вот, защитившись и получив звание доцента, она стала покупать себе красивые блузки, кофточки,

заказывать элегантные костюмы. Один мне особенно понравился: светло-серый с черным бархатным воротничком и такой же листочкой на прорезном нагрудном карманчике. Выглядела она в нем чудесно. Это был, пожалуй, лучший наряд из ее небогатого гардероба. Я всегда им любовалась. Но вдруг, заметила, что Светлана Борисовна перестала в нем появляться.

– Светлана Борисовна, а где Ваш чудесный серый костюм?

– Я его подарила, Верочка.

Честно говоря, меня взяла досада на того, кто принял этот роскошный подарок от Светланы Борисовны. Ну, что, он... – хотя это, конечно, была она, – она не видела, как ей идет этот костюм? Не знала, что у нее и так не богатый гардероб? Через несколько лет я не удержалась и спросила:

– А кому Вы подарили свой серый костюм?

Светлана Борисовна чуть задумалась:

– Не помню, Верочка.

А зачем ей об этом помнить? Бог помнит.

Но и я однажды удивительным образом вынуждена была, а лучше сказать, удостоилась принять от нее подарок. Мы с моей шестилетней дочерью Катей пришли в гости к Светлане Борисовне. Дочь забралась к ней на колени и стала играть ее крупными халцедоновыми бусами с красивыми палевыми оттенками. Бусы приятно гармонировали с бежевым свитерком.

Я тоже потрогала бусы:

– Красивые.

– Верочка, я их вам подарю, – тут же решила она.

– Да нет, что вы, Светлана Борисовна!

– Я Катюше подарю, – схитрила она, – вырастет, будет носить.

Ее желание подарить бусы было таким искренним и безусловным, что я не в силах была обидеть ее отказом.

Эти бусы вышли из моды, мы их не носим, они лежат в шкатулке. Но я с ними не расстанусь. Это не подарок, а дар удивительного сердца.

Ее доброта оставалась для меня тайной, и я как-то я напрямую спросила:

– Светлана Борисовна, как Вам удастся эта Ваша немислимая доброта?

– Не надо выяснять, почему люди делают доброе дело, – мягко осадила она меня.

Но потом рассказала мне про кошку. В детстве в их доме была кошка, у которой завелись глисты. И та самая «мачебушка», схватила ее за лапы и ударила об столб. Кошка не погибла, отошла, и ее решили увезти в лес. Светочка тоже ехала на телеге, которая везла в лес кошку, ей хотелось до конца оставаться с ней. «Я эту кошку запомнила на всю жизнь. Она сидела в осеннем мглистом лесу, провожала нас грустными глазами, понимая, что мы ее бросаем. Я ничего не могла сделать для нее. Порой мне кажется, что я и есть та кошка. Мне очень жаль ее, вот почему я делаю то, о чем вы меня спрашиваете, Верочка».

Поначалу мне не совсем понятен был смысл этих слов, потом прояснилось. Детская боль о загубленном существе и сострадание кошке так глубоко вошли в душу ребенка, что стали частью ее самой. Насколько же готовой и отзывчивой была душа, чтобы нести память об этой давней боли всю жизнь, сопереживая каждому страдающему и претворяя ее в любовь к ближнему.

ПЕСНЯ РЕБЕНКА

Запели «Символ веры». В хоре взрослых вдруг громко загулил младенец: «А-а-гу- у-у!». Я повернулась на звук детского голоса. На руках у мужчины сидела прехорошенькая полуторагодовалая девочка: на нежно-белом фарфоре личике живо блестели черные круглые глаза, розовели пухлые щечки. Из-под кружевной косынки выбивались курчавые темные прядки. Девочка с интересом поглядывала на окружающих и старательно подпевала им на своем младенческом языке: «А-а-у! В-у-у!». Клубничного цвета губки трогательно круглились и вытягивались. Высокий, спортивного вида мужчина прижимал девочку к себе, время от времени поглядывая на нее с пристальной нежностью, любясь ее младенческой красотой. Я прислушалась: «Мужчина уверенно пел слова молитвы красивым баритом: «Рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, им же вся быша...». Знает, значит давно ходит, не новичок здесь.

Девочка так беззаботно и радостно чувствовала себя в сильных руках отца. Она весело болтала ножками, обутыми в крошечные красные туфельки, вертела головой, клала ее на плечо отцу, обхватывая шею маленькими ручками. А отец будто боялся

оторваться от дочери, ни на секунду не опускал на пол. Держал так, словно навсегда хотел защитить ее от всех настоящих и будущих напастей и невзгод. «У нас в искусстве так много образов женщин с ребенком. А почему нет образа любящего отца с маленькой дочерью, этот образ не менее сильный», – думала я, глядя на него. Нельзя было не ощутить, как глубоки его чувства, что он всецело находился во власти любви к маленькой дочери.

И я знала этого молодого мужчину. Еще студентом.

Был он хорош собой, спортивен. Каждый год я его видела на нашей базе отдыха «Писанные скалы», рядом с которой у его родителей была дача. Он входил во все дачные сборные команды по всем видам спорта. Вечерами сборные выпивали и веселись. И год от года выпивки становились все обильнее, а веселье – brutальнее. Потом уже каждый вечер он появлялся на базе пьяный с какой-нибудь очередной подругой. Ухватив ее за шею, шатаясь, таскался с ней от компании к компании. Потом попал в автомобильную аварию, в которой погибло несколько человек. Он выжил. Ходил на костылях с перебинтованными ногами, с болтом в бедре.

Царские ворота открылись.

«Верую и исповедаю яко ты еси воистину Христос, сын Бога живаго, пришедший в мир грешные спасти...».

Мужчина понес дочь к чаше со Святыми Дарами.

ОДИН ДЕНЬ ЛЕТА

Открыла дверцу машины – и сразу накатил запах прогретых солнцем трав и свежего сена – дождалась. Получили комнату, наспех разложили вещи – и вот оно – началось для меня лето. Теперь отыскать укромный уголок и остаться наедине с ним.

На окруженной кленами поляне оно греет и ласкает мое бледное тело, овеивает нежным дуновением ветра.

Первыми попробовать меня на вкус прилетели мошки. Пропитанная городскими запахами духов, дезодорантов и шампуней, я представляю для них немалый интерес, не считая,

конечно поживы. Они кипят вокруг меня, но кусают редко, больше любопытствуют, и я стараюсь пореже давить их, только очень наглых и надоедливых.

Вот и маленькая серая птичка запорхала совсем близко от меня. «Ребенок-воробей» – подумала я, но, приглядевшись, поняла, что это взрослая птица, юркая и смелая. Она перелетала со стебля на стебель, серьезно поглядывая на меня блестящим круглым глазом. Потом упорхнула прочь с большим мотылем в клюве.

Прошла первая оторопь, и я с наслаждением стала разглядывать стайки незабудок, синеющие огоньки герани, скромные цветки куриной слепоты, знакомой с детства. Я представила это поляну зимой – безжизненной ровной и белой. А глубоко под снегом, в промерзшей, каменной земле, в крошечной тьме терпеливо ждут скрюченные коричневые корни, чтобы выбросить весной свои зеленые фонтанчики и зашелестеть, зацвести в блаженные дни лета, как сейчас.

Перевернулась на спину и закрыла лицо соломенной шляпой. Через маленькие дырочки пробивались лучи солнца. Расслаиваясь, они превращались в радужные шары из цветных кругов света. И вот моя шляпа – купол праздничного зала, освещенного мерцающими всеми оттенками радуги шарами.

Ширхнула трава – маленькая зеленая ящерица застыла на несколько мгновений, дала рассмотреть себя: длинное узкое тельце, изящные крошечные лапки. Два молниеносных изгиба – и она исчезает.

На высоком холме за Писанкой – сосновый бор: поблескивают золотисто-коричневые стволы раскидистых сосен. А за ним, в синеве, словно еще один небесный лес, поднимаются от горизонта и тянутся вверх длинные, белые облака, похожие на кроны деревьев с могучими стволами. Ширясь, раскидываясь, этот облачный лес растет на глазах, поднимаясь к центру небесной сферы. Клубятся могучие ветви, поднимается молодняк. Но только на земле лес обретает плоть и цвет.

«Ты забыла про воду», – шепнуло мне лето. Я не забыла, нет, я медлю, вбирая летний жар, чтобы с визгом обжечься о ледяные струи Писанки. В бирюзовой заводи окаймленное нежными гибкими ивами зеркало сонной воды, так легко разбивать горячим телом, прыгая в воду с диким восторженным криком. Теперь можно бежать туда.

День разгорелся, и яркий солнечный свет ясно очертил короткие тени, домов, деревьев, сделав их непререкаемо призванными быть здесь в этот миг рядом с нами.

В тени маленькой рощицы лето нежно шелестело мне кленовыми листьями. И я, растянувшись на скамейке, любовалась девической красотой кленовых веток, украшенных гроздьями зеленых сережек. Ветер тихонько качал ветви. И солнце дробилось ветвями на десятки вспыхивающих бликов. «Надо мной, чтоб, вечно зеленея, темный дуб..., клен склонялся и шумел..., склонялся и шумел, шелестел... качал гроздьями своих зеленых сережек... Кажется, я даже забылась и заснула.

День длится, не торопясь к закату. В воздухе чувствуется сладкий древесный дымок, значит, топится баня.

Каленый жар со смолистым запахом свежеструженных досок накатило и сжал свои обжигающие объятья. И получилось – ни о чем не думать, не вожделеть, не мечтать – быть равным миру с его безбрежностью и наполненностью. Вот она – невесомость горячего тела и внезапно нахлынувшая радость, которую в иные дни долго ждешь и безуспешно охотишься за ней.

К вечеру по всем законам жанра знойного летнего дня начала собираться гроза. Громче зашелестели травы и деревья, подернулся синью окаем небосвода, глухо зарокотали дальние просторы. На темных небесах начали попыхивать зарницы. Предгрозовой ветер внезапно принес вечернюю прохладу.

Еще есть время до грозы погулять по сосновому бору. Я застигла его ожившим и шумным. Могучие сосны нехотя покачивались под порывами ветра, как бы отмахиваясь от него ветками. Глухо ударялись о землю шишки, беспокойно трещали сороки, перелетая с ветки на ветку. Таинственные невидимые птицы качали густые кусты. Солнце, уже подернутое пеленой, рассеивало старчески неяркий алый свет, в котором кроны сосен казались совсем темными и величественными.

Когда о траву зашуршали первые капли дождя, я была уже дома.

Взяв чистый лист, я вывела на нем большими буквами:
«ОДИН БЛАЖЕННЫЙ ДЕНЬ ЛЕТА»

1 июля 2004 год.
Писаные скалы.

